

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

«Небесная» тема в русских переводах с корейского и китайского языков

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2011

Целью настоящей статьи является анализ таких понятий, как *небо*, *луна*, *солнце* и *звезды* в культурах двух стран Кореи и Китая и описание их основных символических значений.

Н е б о

Небо повсеместно связывается со сверхъестественными силами, является символом превосходства, властных полномочий, духовного просвещения и вознесения (см. [Трессидер 2001: 235]).

Культ *Неба* развился на Дальнем Востоке в глубокой древности. Еще в первых веках нашей эры корейские племена поклонялись *Небу*, в честь которого, как свидетельствует «Саньго чжи», в десятом месяце приносились жертвы (см. [Пак 1961: 120]). Иногда такие жертвоприношения устраивались и перед началом военных действий (см. [Джарылгасинова 1972: 162]). Ю.В. Ионова полагает, что культ *Неба* в определенной степени мог быть связан с конфуцианством, которому свойственно признание *Неба* как верховного владыки, наделенного божественной волей [Ионова 1969: 172]). Однако Р.Ш. Джарылгасинова считает, что культ *Неба* у корейских племен появился до проникновения в Корею конфуцианства. «По мнению древних когурёсцев, жизнь и судьба людей зависели от духов *Солнца*, *Луны* и многочисленных *звезд*, «населявших» *небо*». Однако культ *Неба* у корейцев никогда не был идолопоклонническим; изначально он был связан с *солнцем*, светом, что преломилось в древних мифах и ритуальных празднествах, сопровождающихся плясками, песнями и жертвоприношениями *небесным духам*: у племен пуё – Ёнго (Встреча *Солнца* в сопровождении барабана), у когурё – Тонмэн (Клятва Востоку – восходу *солнца*), у восточных йе – Мучхон (Танцы *Небу*), у махан – моление Чхонсину (*Духу Неба*) [Концевич 2001: 411-412].

Дальневосточными народами *небо* почиталось как источник космической силы. В чжоуской натурфилософии вместе с Землей *Небо* являлось составной частью концепции космогенеза, разработанной и активно воспринятой даосизмом с ее последующим развитием. По этой концепции, мир исходно пребывал в хаотично-недифференцированном состоянии, затем произошло его разделение на «верх» и «низ» и поляризация на светлое (мужское, ян) и темное (женское, инь) начала, кото-

рые, вступив во взаимодействие друг с другом, произвели триаду новых сущностей – Небо, Землю и Человека. *Небесный мир* состоит из девяти вертикально расположенных слоев, или сфер. По древнекитайским астрологическим и космологическим представлениям, *небо* делится вдоль (по меридианам) и поперек (по параллелям), и эти линии как бы образуют сеть, покрывающую *небесный купол* изнутри. Считалось, что существовал мировой *Небесный стержень*, который проходил через центр *небесного* и *земного пространства*, а также восемь балок-опор, расположенные в крайних точках четырех частей и получастей света, которые подпирали собой *небесный купол*. В концепции нашло отражение образное представление о Небе и Земле как божественной супружеской паре, порождающей все сущее, которые впоследствии трансформировались в концепцию Женского и Мужского космических начал (см. [Хрестоматия... 2004: 669]). Эти концепции описаны в художественной литературе:

«Каким был довременный мир, – // С чьих слов до нас дошло преданье? // Не выделялись «верх» и «низ», – // Как нам досталось это знание? // Великий Хаос был безмолвно пуст, – // Кто смог установить его пределы? // Ничто не обретало свойств и форм, – // Как разобраться в этом всем сумели? // Вдруг появился свет, отдельно – тьма, – // Как то случилось и в какое время? // И пара Инь и Ян триаду родила, – // Причины в чем подобных изменений? // Из девяти слоев, сказали, *небосвод*, – // Кто их считал и их число проверил? // Все сущее чьим создано трудом? // Кто первым на себя взвалил такое бремя? // *Небесной сети* кто вязал узлы? // *Небесный стержень* – где его основа? // И восемь балок почему прочны? // Восток и юг – как могут без опоры? // *Небесный круг* на девять поделен полей, // Их каковы границы и размеры? // Для каждого есть множество примет, // Но кто узнал и изложил приметы? // Как образуют пару *Небо* и *Земля*? // На дюжину долей зачем их делим? // Как в высях держатся и *солнце* и *луна*? // В порядок полный как пришли *созвездья*? // Восходит *солнце* из Кипящих вод, // У скал Мэнсы оказывается к ночи, // Кто указал, где сядет, где взойдет, // И путь его смог рассчитать так точно? // Полночного светила яркий свет // Зачем же гаснет, чтобы вновь родиться? // Ущербным *месяцем* как может обратиться // И стать опять *луною* полнолицей?» [Хрестоматия... 2004: 77-78].

Небо управляет стихиями:

«Должно быть, *небеса* к нам снизошли – // И ливень ниспослали благодатный» [Бамбук в снегу 1978: 277].

Небо – пространственный образ, высшая точка вертикально ориентированного пространства:

«Как на картине, // Громоздятся горы // И в *небо* лучезарное // Глядят» [Ли Бо 2000: 47].

Небо – цветовой образ:

«И взмыл под голубые *небеса* // Стрелюю, выпущенной из лука...» [Бамбук в снегу 1978: 86]; «Тянутся к югу // диких гусей караваны, // Плавно скользят // по грустно-серому *небу*» [Яшмовые ступени 1989: 326]; «...в инее *небо* седое» [Чистый поток 2001: 144]; «Хлынул дождик с черных *небес*» [Китайская пейзажная лирика 1984: 181]; «Я вижу, как в единый цвет заката // Окрасились и *небо* и река» [Бамбук в снегу 1978: 91].

Образ *неба* эксплицируется тактильным образом:

«*Небом* холодным // жемчужина эта дана» [Чистый поток 2001: 136].

С *небом* связаны звуковые образы:

«Уже уходит осень, // и в *небе* – крик гусей» [Китайская пейзажная лирика 1984: 232].

За *небом* закреплена временная характеристика. *Небеса* могут выступать в качестве знака времени года (осени и зимы):

«Мрачнеет, мрачнеет осеннее *небо*...» [Чистый поток 2001: 209]; «Зима и на земле и в *небесах*...» [Бамбук в снегу 1978: 245].

Небо указывает на время суток:

«Вновь пробуждаются образы в нас, // мысли, как птицы, вольны, // В *небо* ночное взлетают они // глянуть в зеркало *луны*» [Ли Бо 2000: 341].

В корейской поэзии *небо* – родоначальник всего живого на Земле, включая человека:

«Два тела из единого создав, // Велело *Небо* быть жене и мужу. // Вдвоем им суждено и жизнь прожить, // И в общую, в свой час, сойти в могилу...» [Бамбук в снегу 1978: 95].

Небо – начало, регулирующее жизнь людей:

«И жизнь и смерть нам посылает *Небо*»; «*Небо* пищу нам послало // Иль духи океана принесли? // Когда бы эту рыбу мы не съели, // В живых остался бы хоть кто-нибудь?» [Бамбук в снегу 1978: 277; 278].

Главным посредником между *Небом* и людьми считался император, поэтому первым его официальным титулом был «Тянь цзы» – «Сын *Неба*» [Верная Чхун Хян 1990: 361]. Китайцы подчеркивали божественное происхождение его власти [Жизнеописания... 1985: 449]. Это нашло отражение в корейской и китайской литературе:

«Правитель – словно *Небо* над людьми, // А люди – как Земля под этим *Небом*...» [Чон Чхоль 2009: 100]; «И ездит на слоне китайский Сын *Небес*, // И ездит Сын *Небес* корейский в колеснице» [Верная Чхун Хян 1990: 55].

Небо отождествляется с величием:

«Я подал тому, кто как *Небо* высок, // однажды поутру доклад...» [Чистый поток 2001: 197].

Небо – это видимая часть огромного пространства. В корейской литературе *небо* ассоциируется с громадными размерами: «*В небе, что раскинулось над нами // На девяносто тысяч долгих ли...*» [Бамбук в снегу 1978: 89], поэтому оно зачастую выступает в качестве «единицы измерения» как моральных ценностей (в таких сравнениях малое сравнивается с огромным): «Мой муж спасен <...> благодаря огромной, как *небо*, доброте вашего батюшки, первого министра...» [Записки...1985: 183], так и материальных: «На листе бумаги, огромном, как голубое *небо*, хотелось бы мне рассказать о своей тоске и подать это *небесному государю*» [История о верности Чхун Хян 1960: 101]; «Юнмэнь поднял над головой свой веер и сказал: “Этот веер достигает *тридцать третьего неба* и бьет по носу бога Диши”» [Афоризмы... 2004: 130]. Заметим, что в буддийской мифологии *тридцать третье небо* – высшее *небо*, правителем которого считалось божество Диши [Афоризмы... 2004: 382].

Небо устанавливает для человека нравственные нормы, является критерием оценки его морально-нравственных качеств.

Небо – эталон нравственной чистоты:

«Мысли ее были чисты, как осенние воды и высокое *небо*...» [Жизнеописания... 1985: 63]; «Пусть я умру, душа моя останется чистой, как *небо* и земля» [Роза и Алый Лотос 1974: 338]; «О мой супруг, непорочный и чистый, как *небеса!*» [Верная Чхун Хян 1990: 130].

Под Небом строит свою жизнь отшельник, покинувший мир «суеты» и поселившийся на природе. *Небо* и *небесные светила* он использует в «хозяйственных» целях:

«Шатер из *Неба* и Земли построю, // *Луной* и *Солнцем* освещу его, // А воды синие морей полных // Я стану черпать чашей для вина – // И под звездой полуденной Ноин // Забуду навсегда, что значит старость!» [Бамбук в снегу 1978: 126]; «С хмелю в горы забредем // И возляжем, где попало, // Изголовье – мир земной, // *небо* – чем не одеяло!» [Ли Бо 2000: 331].

Небо и Земля рассматриваются отшельником в качестве самых близких родственников:

«Земля и *Небо* мне – отец и мать, // Мир окружающий – жена и дети» [Бамбук в снегу 1978: 166].

Небо играет роль собеседника:

«*Небо* меня спросило: // Куда свой путь направляю // В этой земной стороне?» [Китайская пейзажная лирика 1984: 164].

Красота окружающей природы не может заглушить тоску отшельника по родному дому:

«Но красота *небес* // и эта даль лесная // От одиноких дум меня не исцелят» [Китайская пейзажная лирика 1984: 32].

В корейской литературе *небо* связывается с любовной тематикой. *Небо* – поверенный в делах любви:

«Известны только *Небу* одному // Страдания любви неразделенной. // Так пусть же *Небо* милого заставит // Ко мне вернуться, вновь меня любить!» [Бамбук в снегу 1978: 224].

Небо зарегистрировано в названиях:

«В *Поднебесной* сейчас царит мир и спокойствие» [Роза и Алый Лотос 1974: 342].

Страной Западного неба на Дальнем Востоке называли Индию. В корейской литературе – это некие фантастические земли, расположенные на западе (см. [Повесть о Чёк Сенные 1996: 119-120]):

«Хоть я и молод, но хотел бы отправиться в *страну Западного неба* и добыть чудесную жемчужину...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 119-120].

Небо встречается в образных сравнениях. Мастерство игры на музыкальном инструменте ассоциируется с различными образами природы, в том числе с величием *неба*:

«Она взяла медиатор и заиграла: страсть и скорбь звучали пронзительно... Казалось, будто разлилось бескрайнее море, а над ним раскрылось во всю ширь безоглядное *небо*» [Сон ... 1982: 116].

Небо отмечено во многих метафорических выражениях. *Небесный* (или Верховный) *Владыка*, по народным верованиям корейцев и китайцев, стоял во главе всех божеств и духов (см. [Ким Си Сып 1972: 159]).

«Так узнай же, что *Небесный Владыка* не стал рвать нить, соединяющую нас с тобою, потому что союз наш был непорочен» [Ким Си Сып 1972: 50].

Небесные пещеры – жилище бессмертных [Ли Бо 2000: 364].

«Вот он путь в *Небесные Пещеры* – жить – не умирать!» [Ли Бо 2000: 347].

Девятое Небо – обитель бессмертных, которая располагалась на девятом ярусе даосского рая (см. [Светлый источник 1989: 475]).

«Так сказал небожитель // И на журавле вознесся // Ввысь к *Девятому Небу*, // Откуда спускался ко мне» [Светлый источник 1989: 394].

Путь в небесах – Млечный Путь:

«*Путь в небесах*, // *Путь в небесах*! // Осенью горы он освещает // в дальних степях» [Чистый поток 2001: 157].

Небо входит в состав фразеологизмов. Выражение «*содержание Небес*» – означает ‘положенное *небом* счастье, жизнь’:

«Вы скусаете еще двадцать мер риса и двадцать мер муки. И ваше “*содержание Небес*” на этом кончится!» [Пу Сун-лин 2007: 233].

Небо используется в гиперболических выражениях: «Гнев поднялся у него *до небес*...» [Верная Чхун Хян 1990: 102]; «И потому чувства мои к стране Мин огромны, как *небо*...» [Сон... 1982: 719], а также в стерео-

типных вводных предложениях, вставляемых для усиления сказанного: «...закричали они так громко, что казалось, будто обрушились горы и реки, содрогнулись *небо* и земля...» [Верная Чхун Хян 1990: 108].

В иносказательном выражении, имеющем значение 'ничто в мире не совершенно, у всех есть недостатки', также употреблена лексема *небо*:

«Говорят, что даже *небо* не очень высокое, а *солнце* и *луна* не совсем ярки. Но ты-то почему называешь себя непочтительным сыном?» [Записки... 1985: 231].

Небо зарегистрировано в корейских и китайских пословицах:

«Недаром сказано: “Дела замышляются людьми, а вершатся *на небесах*”» [Би Сяошэн 1992: 73]; Если приложить все силы, то и *Небо* победишь; Помыслы народа – помыслы *Неба*; Если людей много, то и они побеждают *Небо*; Смотреть *на небо* сквозь бамбуковую трубку; *Небо* с бобовую дольку кажется и мн. др. [Лим Су 2003: 48; 300; 317].

В переводных произведениях *небо, солнце, луна, звезды* часто используются в качестве символического компонента в предложениях-клятвах, а также молитвах:

«О *небо!* *Солнце, луна, звезды!* Верьте – я не виновна ни в чем!» [История о верности Чхун Хян 1960: 613]; «Государь-*Небо*, государыня-Земля, духи *солнца, луны* и *звезд!* Обратите к нам свои взоры!» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 82]; «Обращаюсь с мольбой *ко всем девяти небесам...*» [Цветы сливы 1998. Т.2: 121].

Луна

Для корейской литературы характерно пристальное внимание к *луне*. *Луна* в дальневосточной литературе всегда была одним из любимейших образов. *Луну* отличает богатая символика. Полная *луна* – символ красоты и спокойствия у буддистов, а в Китае – большой семьи. «*Луна* урожая» – полная *луна* во время сентябрьского равноденствия – по естественным причинам является символом изобилия и повсеместно связывается с любовью и браком [Трессидер 2001: 20].

Луна – активный световой: «Она над нами высоко плывет? // Мала, а света на весь мир хватает. // Кто может тьму ночную озарить, // Кто может яркостью с *Луной* поспорить?...» [Бамбук в снегу 1978: 133]; «Глубокая полночь вокруг меня, // Но я не зажгу свечи – // Так ярко горит в *небесах луна*, // Что с нею светло в ночи» [Ду Фу 2000: 314] и цветовой образ: «Белая *луна* на страже станет...» [Бамбук в снегу 1978: 207]; «Молочно-белый *лунный свет...*» [Книга дракона 2002: 144]; «Над горами Тянь-Шань // Золотая восходит *луна*» [Ли Бо 2000: 137].

Луна – образ, основанный на тактильной модальности:

«Это – осень душистая // во дворце на холодной луне» [Китайская пейзажная поэзия 1984: 239]; «...яркая луна бросала холодные лучи на густую траву...» [История о верности... 1960: 612].

Луна – самая верхняя точка вертикальной оси ночного пейзажа:

«Взошла луна на пик крутой горы – // И все окрестности вдруг по-светлели. // На целых девяносто тысяч ли // Уходит ввысь огромный свод небесный. // И все же поднялась к нему гора // И острием луны его проткнула!» [Бамбук в снегу 1978: 112]; «Луна вдали // Плышет над облаками...» [Ли Бо 2000: 100].

Луна и *солнце* всегда находятся в непрерывном движении:

«Луна – как и *солнце*: // Она остановки не знает» [Ду Фу 2000: 114].

С луной, лунным светом связан комплекс представлений о вечности и неизменности:

«Луна отшельника восходит снова, // Как над Стеною Красной у Янцзы. // Она все та же, что была когда-то, // Но где же сам отшельник Су Дун-по? // Наш бранный мир покинул он навеки, // А мне оставил полную луну!» [Бамбук в снегу 1978: 185]; «Вчера я снова видел тот же месяц, // Что мне светил в минувшие года. // И в эту ночь взошел на небо месяц // И светит также ярко, как светил. // Сейчас я понимаю: все на свете // Меняется, лишь *месяц* никогда» [Бамбук в снегу 1978: 189].

Древние измеряли время по циклам *луны*. На основе *лунных фаз* была создана специфическая система летоисчисления, принятая в странах Дальнего Востока, так называемый *лунно-солнечный календарь* или китайский календарь. Это нашло отражение в дальневосточной литературе:

«Наступила седьмая, осенняя луна» [Жизнеописания... 1985: 75]; «Сон Чхун Хян, рожденная в год *мыши*, в пятую луну – *месяц мыши*, в двадцатый день *тигра* и час лошади... уже несколько месяцев томится в тюрьме» [Корейские повести 1954: 154].

Луна – знак четырех времен года:

«Я стану в горах любоваться весенней *луной*» [Ли Бо 2000: 74]; «Луна встает над темными горами... // Цветут цветы»; «От луны осенней свет струится»; «На снег ложится ясный *свет луны*» [Бамбук в снегу 1978: 195; 284].

Своим движением *луна* и *солнце* демонстрируют быстрый ход времени. По дальневосточным представлениям, *луна* является символом идеи времени:

«Красота – как молния – // Промелькнула и исчезла. // Время – как порыв ветра. // И вот уже на зеленой траве белый иней, // а вместо *солнца* восходит луна» [Книга дракона 2002: 131].

Луна может выступать как образ, несущий идею временного, проходящего. *Луна* проходит разные фазы в своем развитии. Прохождение

фаз *луной* ассоциируется с быстрым ходом времени и в жизни человека, молодость скоротечна. Движение светил *в небе* – движение времени, замедлить их движение – значит, задержать наступление старости (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 302].

«– Скажи какую *луну* – когда она серпом или когда круглая – ты любишь больше? – неожиданно спросила Хун... Лотос улыбнулась. – *Луну* люблю серпом... – Все так отвечают, – сказала Хун. – Но ведь *луна* не всегда серп, а цветы не всегда полуоткрыты. Так и человек: быстро пролетят молодые годы – и глядишь, уже седина в волосах заблестела!» [Сон... 1982: 530-531].

Различные фазы *луны* олицетворяют собой этапы расцвета и упадка государства, его взлеты и падения:

«Когда *луна* восходит молодая, // *На небесах* она – как узкий *серп*. // А в середине месяца *луна*, // Как зеркало, становится округлой. // Пора расцвета и пора упадка, // Должно быть, *Небом* определены!» [Бамбук в снегу 1978: 176].

Так называемый «*подлунный*» мир противостоит *миру «солнечному»* как в пространственном плане, так и временном, причем мир «суеты» отделен *от подлунного* горами.

«Вниз посмотрю – внизу синее речка. // Вверх посмотрю – там горы зеленеют. // Багряной пыли облака густые // Сюда не доберутся никогда. // И помыслам мирским нет места в сердце, // Когда восходит над землей *луна*» [Бамбук в снегу 1978: 63].

В моделировании картины *подлунного мира* участвуют звуковые образы: крик гуся, плеск ручья, звуки музыкальных инструментов и другие:

«В ночи, когда *луна* стояла *в небе*, // Гусь пролетел, пронзительно крича...»; «Сиянье *луны* и плеск ручья // Ночной порой беседку наполняют»; «Когда в окно его глядит *луна*, // слышны из дома звуки каягы-ма?» [Бамбук в снегу 1978: 178; 77]; «Плачет цикада, скорбя *о луне* // возле перил изогнутых...» [Чистый поток 2001: 235].

Сумерки, *закат солнца* занимают в художественных произведениях Дальнего Востока одно их центральных мест. Появление *на небе луны* ассоциируется с концом рабочего дня, возвращением домой после длительного трудового дня:

«Ночь опустилась над рекой осенней... // Я удочку смотала, снимаюсь с места – // В такую пору рыба не берет. // Плыву домой в убогом челноке, // Грузенном только чистым *лунным светом*» [Бамбук в снегу 1978: 61].

В дальневосточной художественной литературе покинувший мир «суеты» человек обретает смысл жизни лишь ночью, с восходом *луны*.

Дневное время не представляет для него никакой ценности. В это время отшельник, как правило, спит:

«Я пробудился в комнате своей // От птичьего чириканья и свиста. // По веткам дерева, дождем омытым, // Луч солнца заходящего скользит» [Бамбук в снегу 1978: 151].

Уход человека в мир природы в дальневосточной литературе связывается с ночью и луной. Наградой отшельнику за то, что он покинул мир «суеты» становится луна:

«От всех сует мирских я отрезился – // И небом мне ниспослана луна» [Бамбук в снегу 1978: 79].

В ночное время отшельник изучает творения древних ученых и пишет стихи, это самое плодотворное для него время:

«Здесь скит я вижу, чистенький такой, // Как будто ключевой водой омыт он. // Здесь мудрость древних можно постигать // И воспевать луну, ручей и ветер» [Бамбук в снегу 1978: 82].

Многие его философские размышления связаны с луной:

«Кто отрезает от луны краюшку? // Кто полноликой делает луну? // Вода бежит в реке не иссякая, // Но исчезает утренний туман. // Зачем и что явилось и исчезло – // Как может знать об этом человек?» [Бамбук в снегу 1978: 179].

Луна есть квинтэссенция Инь, а с Инь, согласно дальневосточным представлениям, начинается в мире все сущее, и поэтому «луна берedit душу, будит воспоминания, влечет за собой длинную цепь ассоциаций» [Ли Бо 2000: 355]:

«У самой моей постели // Легла от луны дорожка. // А может быть, это иней? – // Я сам хорошо не знаю. // Я голову поднимаю – // Гляжу на луну в окошко. // Я голову опускаю – // И родину вспоминаю» [Ли Бо 2000: 355].

Луна – образ, характеризующийся способностью к разного рода контактам с человеком. Луна – это:

– вечный попутчик странствующего: «А луна – куда бы ты ни пошел – // Последует за тобой» [Ли Бо 2000: 63]; «Лишь к вечеру я собираю снасти // Домой иду, с собою взяв луну» [Бамбук в снегу 1978: 82];

– желанная гостя: «Под вечер жду я гостью дорогую – // Луну, навеки преданную мне!» [Бамбук в снегу 1978: 186];

– друг: «С единственным своим и верным другом – // Луною – эту ночь я проведу»; «Лишь несколько друзей всегда со мною: // Бамбук прямой, Сосна, Вода, Утес. // Когда же над восточною горой // Луна восходит, я ее встречаю! // И, кроме этих пятерых друзей, // Никто на свете больше мне не нужен!» [Бамбук в снегу 1978: 118; 131];

– собеседница: «Луна, скажи мне: в древности седой // Был на меня похож Ли Бо бессмертный?» [Бамбук в снегу 1978: 173];

– собутыльник: «И одиноко пью вино, // И друга нет со мной. // Но в собутыльники луну // Позвал я в добрый час, // И тень свою я пригласил – // И трое стало нас» [Ли Бо 2000: 55].

Луна – одно из воплощений человека после смерти:

«О, если бы умерла я // И стала луною в небе, // Чтоб тихим светом проникнуть // В окна покоев его!» [Чон Чхоль 2009: 112].

Луна – эталон независимости:

«Прохладный ветерок нельзя купить, // И никому не служит ясный месяц!» [Бамбук в снегу 1978: 80].

Однако царство *луны* заканчивается с рассветом:

«Луна бледнеет, звезд почти что нет. // И колокол за шторой прозвенел, // И возвестила иволга рассвет» [Китайская пейзажная лирика 1984: 100].

Луна на Дальнем Востоке всегда была и остается источником постоянного эстетического наслаждения, объектом поэтического поклонения. У людей возвышенного склада было принято в одиночку или вместе с друзьями гулять тихой ночью, любуясь при этом ясной *луной* и озаренным ею пейзажем. Музыка, вино, изысканные беседы, лотос, белеющей первозданной чистотой *при лунном свете*, или какие-то другие цветы считались желанными атрибутами утонченного времяпрепровождения (см. об этом [Ли Бо 2000: 356]).

«Настала середина осени – пора любования *луною*» [Цветы сливы 1998. Т.1: 229]; «Но все они любовались *луной*, // Как я люблюсь сейчас» [Бамбук в снегу 1978: 64].

Луна связана с любовной тематикой:

«О светлая *луна*, ты заглянула // В дом к милому, в восточное окно! // Скажи, *луна*, он спит сейчас один? // Или в объятьях девушки любимой? // Поведай обо все, что увидала: // Я буду знать – мне жить иль умереть!» [Бамбук в снегу 1978: 191].

В любимом на Дальнем Востоке *лунном пейзаже* присутствует тема разлуки: «*Луна*, что светит над жемчужной шторой, // Звук флейты, что пришел издалека, – // Зачем они всю ночь меня тревожат, // Моей печали не дают уснуть?.. // Три тысячи меж нами долгих ли – // И я один, и сердцу нет покоя!» [Бамбук в снегу 1978: 494], а также тоска по далеко уехавшему любимому человеку: «Уехал мой муж далеко, далеко // На белом своем коне, // И тучи песка обвевают его // В холодной чужой стране. // Как вынесу тяжкие времена?.. // Мысли мои о нем, // Они все печальнее, все грустней // И горестней с каждым днем. // Летят осенние светлячки // У моего окна, // И терем от инея заблестел, // И тихо плывет *луна*» [Ли Бо 2000: 135].

Луна – участник военных походов:

«При свете тусклой луны несколько минских воинов с факелами в руках погоняли лошадей, тащивших повозки» [Сон ... 1982: 171].

В дальневосточной поэзии указывается национальная принадлежность луны:

«С китайской луною // Бойцы простились» [Ли Бо 2000: 307].

Форма луны в разных фазах представляется народам Дальнего Востока идеальной, многим предметам придавалась эта форма:

«Волосы – темные тучи – она расчесала гребнем в форме *полумесяца*...» [Роза и Алый Лотос 1974: 312]; «Луки, изогнутые, как *месяц*» [Яшмовые ступени 1989: 180]; «Круглый веер – такой, как *луна*» [Хрестоматия... 2004: 130].

Луна входит в состав корейских и китайских имен:

«И на зов Хобана выступила Вольчхуль, “*Месяц плывущий*”; Мать ее, по имени Вольмэ – “*Лунный цвет сливы*”, пребывала теперь на покое» [Корейские повести 1954: 114; 75]; «Она родилась в середине восьмой луны, поэтому ее и нарекли Юэ-нян, что значит “*Лунная дева*”» [Цветы сливы 1998. Т.1: 112].

На Дальнем Востоке с луной сравнивается внешность как женщины, так и мужчины:

«*луноподобная красота*» [Ким Ман Чжун 1961: 79]; «Сидевшая под картинами Чхунхян была прекрасна, как *ясный месяц*» [Корейские повести 1954: 91]; «Юноша красив, как ясная осенняя луна, повисшая над безбрежным морем...» [Сон... 1982: 186].

Национально-культурная специфика мышления двух этносов проявляется и в традиционных эталонных сравнениях частей тела красавицы. Лицо красавицы отождествляется с луной:

«Ян, улыбаясь разглядывал прелестное лицо женщины, которое напоминало *ясную осеннюю луну*...» [Сон... 1982: 115]; «красавица, с лицом, как *молодая светлая луна*» [Ссяньчхон кыйбонь 1962: 60].

Исключительное значение придавалось форме бровей. Брови ассоциируются с *полумесяцем*:

«Словно *два молодых месяца* изогнутые брови» [Цветы сливы... Т.1. 1998: 44]; «...брови округлым *полумесяцем* раскинулись...» [История о верности Чхун Хян 1960: 197].

Восхищались также и узким разрезом глаз, подобным народившемуся *месяцу*:

«...он любовался *узкими*, точно только что *народившийся месяц*, глазами Аймэй» [Би Сяошен 1992: 181].

Блеск глаз красавицы сопоставляется с сиянием таких светил, как *солнце* и *луна*:

«...глаза сияли, словно *луна* или *солнце*...» [Сон... 1982: 34].

Для жителей Дальнего Востока совершенная форма рук – это *полумесяцы*:

«Обеими нежными ручками, похожими на яшмовые *полумесяцы*, Чхуньян крепко ухватила за веревки...»; «...молодой янбан осторожно взял девушку за обе руки, нежные, светлые, как *серпика луны*» [Верная Чхуньян 2003: 24; 58].

Луна выступает в качестве критериев оценки морально-нравственных качеств человека, его чувств и эмоциональных состояний, особенностей поведения, а также разного рода эталонов.

Луна служит образцом нравственной чистоты и непорочности:

«Подобная *луне* после дождя, // Ясна ваша душа и дух ваш светел» [Бамбук в снегу 1978: 269]; «А она чиста и прекрасна, как ясная *луна* в безоблачном небе...» [Сон... 1982: 109]; «Сердце мое // сходно с осенней *луной*; // В мутном пруду // непорочной блестит белизной» [Чистый поток 2001: 117].

Такое качество человека, как скромность, также сравнивается с *луной*:

«В правильных чертах ее лица угадывалась душа скромная, как новорожденная седьмая *луна*...» [Сон... 1982, 137].

Особенности поведения оценивались на Дальнем Востоке через призму *луны*:

«...она величава, как *луна*...» [Сон... 1982: 65].

Девушка, находящаяся в смятении, ассоциируется на Дальнем Востоке с *луной*:

«Она походила <...> на светлую *луну*, затянутую темными тучами» [Роза и Алый Лотос 1974: 334].

Лексема *луна* встречается и в других сравнениях:

«Стихи похожи на отражение *луны* в реке...» [Сон...1982: 43].

В гиперболическом выражении упоминаются *луна* и *солнце*:

«Он рыдал так громко, что показалось, будто померк свет *солнца* и *луны*, опечалились травы и деревья» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 83].

Луна зарегистрирована нами в метафорических выражениях. Метафорическое выражение *времена покоя при луне* означают ‘правление совершенномудрого государя’ (здесь: время правления династии Корё) (см. [Бамбук в снегу 1978: 287]).

«Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства. // Все те же горы здесь, все те же реки – // но люди прежние ушли навек... // О времена “*покоя при луне*”, // Ужели были вы не сновиденьем?» [Бамбук в снегу 1978: 48].

В художественной литературе отмечены метафорические названия двух светил: *золотой ворон* (*солнце*) и *яшмовый заяц* (*луна*). По давним

преданиям, *на солнце живет золотой ворон, а на луне – заяц*, который толчет в ступе снадобье бессмертия [Ли Юй 1995: 538]:

«Тем временем *золотой ворон* уже скрылся на западе, а на востоке появился *яшмовый заяц*» [Ли Юй 1995: 108]; «*О заяц яшмовый*, куда бежишь ты? // *О ворон золотой*, куда летишь? // Зачем, безумные, спешите вы, // Как будто кто-то гонится за вами? // А надо было б каждый раз, друзья, // Вам отдыхать, как десять ли пройдете!» [Бамбук в снегу 1978: 201].

Луна в корейской поэзии также именовалась *цветком лотоса*. Под «*Звездой Рассвета*» подразумевается Венера, которую в Корее называют Утренней, когда она восходит на востоке, и Вечерней, когда она заходит на западе (см. [Чон Чхоль 2009: 156]).

«Восходит *Звезда Рассвета*. // *Лотос* цветы раскрывает» [Чон Чхоль 2009: 129].

Луна входит в состав речений фразеологического характера (далее РФХ):

РФХ *цвет у воды и у небес един!* широко использовалось как знак определенной пейзажной ситуации в корейской поэзии XVII–XVIII вв. [Бамбук в снегу 1978: 314]:

«Над западной грядой далеких гор. // Садилось *солнце*, в море отражаясь. // Оно застлало водные просторы // Шелками красными и голубыми. // Где *небо* тут? И где вода? Кто знает? // “*Цвет у воды и у небес един!*...”» [Бамбук в снегу 1978: 276]; «Над рекою падает белый иней, и *цвет воды сливается с цветом неба*» [Верная Чхунхян 1990: 342].

Многие фразеологизмы с лексемой *луна* связаны с любовной тематикой:

«Еще в молодые годы я пошел по стезе наслаждений, как говорится, “*стал бродить под луной среди цветов и ив*”» [Би Сяошэн 1992: 17]; «Разговор зашел о «*делах с красавицами при луне*» [Би Сяошэн 1992: 19]; «Певичка затворила двери дома и наотрез отказывала тем развратникам, кои имеют обыкновение шататься по кварталу Пинкан: не желала быть более “*цветком под луной*”» [Би Сяошэн 1992: 31].

Луна отмечена во многих легендах. Как гласит легенда, *на Луне* находится *Лунный дворец* – Просторный студеный дворец, обитель феи Чан-э(Хана) [Бамбук в снегу 1978: 307]:

«Лицо ее как цветок, обликом – *луна*, будто Хана из *Лунного дворца* спустилась сюда...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 32]; «С тобой в покои *Лунного дворца* // Еще недавно мы входили вместе. // Так почему же старость я встречаю // Совсем одна от милого вдали?» [Бамбук в снегу 1978: 242].

Лунная черепаха – в такой образ претворялись в сознании китайцев древности и средних веков темные пятна *на луне*. Этот образ вступает в

качестве символа долголетия [Китайская пейзажная лирика 1984: Приложение]:

«Не от холода ли в эту ночь // Черепаха с луны пропала?» [Китайская пейзажная лирика 1984: 117].

По дальневосточным мифологическим представлениям, считалось, что на Луне живет волшебная жаба. Очень часто у нее три ноги, означающих лунные фазы, а также прошлое, настоящее и будущее. Полагали, что луна убывает потому, что ее поедает мифическая Лунная Жаба, а во время лунных затмений жаба заглывает Луну. В Древнем Китае трехногая жаба была символом бессмертия, сказочного богатства и волшебства:

«Однажды, когда ярко блистало осеннее небо, а яшмовый свод был прозрачен и ясен, когда свет луны потоком струился на землю, я запрокинула голову и стала смотреть на лунную жабу и коричневое дерево» [Ким Си Сып 1972: 67].

По другой легенде, известный китайский поэт Ли Бо утонул, слишком перегнувшись за борт лодки, чтобы «губами коснуться отображения луны» (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 312]). Упоминания об этом находим в художественной литературе:

«Луна взошла. // И посреди реки на якорь стала... // Вот так Ли Бо заморожен был сказкой // И утонул, когда ловил луну!» [Бамбук в снегу 1978: 265].

По китайским мифологическим представлениям, на земле жил небесный сват – Лунный старец, который связывал вступивших в брак невидимой красной нитью (см. [Роза и Альый Лотос 1974: 408]).

«Душа моя пришла в смятение, полна страстными чувствами. Пусть свяжет нас нитью Лунный старец...» [Роза и Альый Лотос 1974: 316-317]; «Лунный старец счастливых супругов//нитью связал, сочетая, // Чтоб согласие меж ними сияло, // словно луна золотая» [Ким Си Сып 1972: 19].

Луна зарегистрирована в пословицах:

Голодавший три дня волк и на луну рычит [Лим Су 2003: 62].

С о л н ц е

Во всем регионе Юго-Восточной Азии существовал *соляренный культ*, отражавший суточный и годовой *солнечные циклы*. В основе мифологической базы древней корейской культуры лежит миф о Женщине-Солнце и ее родителях. Этот миф является одним из основных мифов древней корейской культуры, аналоги этого мифа встречаются в китайской, японской и некоторых других культурах Дальнего Востока. Жизнь Женщины-Солнца являет собой модель общих космогонических пред-

ставлений древних корейцев о порождении и поглощении *солнца* [Мифологический словарь 1992: 215].

В Китае *солнце* было императорской эмблемой, знаком Ян в даосской философской системе, но никогда не считалось верховным божеством в китайском пантеоне [Трессидер 2001: 348].

Вместе с *луной* и *звездами солнца* – знак гармонии космоса:

«Из первозданного хаоса возникли и земля, и *небо*, они породили *солнце*, луну и *звезды*, планеты и живых существ» [Сон... 1982: 703].

Солнце – главная часть вертикально ориентированного пространства:

«Над отмелью песчаной тает мгла. // Из-за горы уже восходит *солнце*» [Бамбук в снегу 1978, 133].

Солнце – элемент идеальной картины природы. *Солнце* прекрасно и во время своего восхода, заката, а также в зените:

«Когда ж заплывшее *солнце* // Отделилось от моря, // Замерли в восхищенье // Все десять тысяч царств! // Оно поднялось так быстро // И все вокруг осветило, // И каждая волосинка // стала тогда видна!»; «Над Венценосным Пиком светит *солнце* // Как хороша излучина Ильгок!»; «Садится *солнце* за Сосновой кручей. // Как хороша излучина Сагок! // Вершины скал и сто закатных красок // Отражены зеркальной гладью вод, // Теснеет лес, журчит родник прозрачный... // И восхищением душа полна» [Бамбук в снегу 1978: 257; 81; 82].

Солнце – источник света:

«Восходит *солнце*, // Осветив жилища...» [Ду Фу 2000: 173].

Небесные светила – эталоны яркости:

«Имя этому двойному мечу – Лотосовый, он блистает, словно *солнце* и луна, сверкает, как *звезда*» [Сон... 1982: 179-180].

Солнце – цветовой образ. За ним закреплены белый, желтый, а также красный цвета и его оттенки:

«Белое *солнце* // скрылось-ушло за горы» [Яшмовые ступени 1989: 41]; «*Солнце* желтое на небо выйдет» [Бамбук в снегу 1978: 207]; «*Солнце* красное село» [Китайская пейзажная лирика 1984: 210]; «Скользят по белесым волнам пурпурные блики *солнца*...» [Хрестоматия... 2004: 216]; «От жары и от жажды // Потрескались губы, // На багровое *солнце* // Печально смотрю я» [Ду Фу 2000: 248].

Образ *солнца* эксплицируется тактильным образом:

«Раскаленное *солнце* // у западной встало стены» [Китайская пейзажная лирика 1984: 69].

У *солнца* есть свои «спутники» – звуковые образы:

«И слышу вновь, как птицы весной // с восходом *солнца* поют» [Облачная обитель 2000: 144].

С одной стороны, *солнце* – источник тепла: «От жара *солнечных лучей* // вода почти вскипела...» [Хрестоматия... 2004: 344], с другой – причина засухи: «*Солнце* в небе ярко светит, но все иссушает...» [Книга дракона 2002: 155].

Солнце связывается с ходом времени. Восход и заход *солнца* символизируют неизменный ход времени. По убеждениям корейского поэта, если остановить движение *солнца*, то можно остановить время:

«Трудиться стану я и день, и ночь // И цепь составлю в десять тысяч звеньев. // В заоблачную высь ее заброшу // И *солнце* захвачу и придержу – // Чтоб время медленнее проходило, // Чтоб медленней старели мать с отцом!» [Светлый источник 1989: 355].

В дальневосточной литературе определяется участие *солнца* в моделировании времени в пределах года, отображении сезонных изменений природы:

«Вешнее *солнце*, город в цвету...» [Классическая поэзия... 1977: 452]; «Только красные тучи, сжимая осеннее *солнце*, // Устремились на юг» [Китайская пейзажная лирика 1984: 151].

Не только времена года, но и время суток рассматривается в зависимости от местоположения *солнца*, которое в дальневосточной художественной литературе имеет свои специфические метки:

«Раннее *солнце*, // в утренней дымке роса» [Яшмовые ступени 1989: 104]; «*Солнце* жаркое льет полдневный луч...» [Классическая поэзия... 1977: 456]; «*Солнце* вечернее, // спрятавшись в вязах и тутах, // Греет усталого путника // старое платье» [Ду Фу 2000: 442]; «Закатное *солнце*, // цепи горных вершин. // ...скрыла вечерняя мгла» [Яшмовые ступени 1989: 104].

Солнце играет большую роль в жизни человека. Человек любит красотой *небесного светила*:

«Гляжу я, как *солнце* // Блестит, пламенея, // Сквозь гребень // Зеленой волны – // И всю эту прелесть // Ты ценишь сильнее, // Придя // Из песчаной страны» [Ду Фу 2000: 225].

Солнце – его помощник в хозяйственных делах:

«Пусть у меня всего одна рубаха – // Я выстираю дочиста ее, // На жарком *солнце* высушу, а после // Проглажу хорошенько и надену...» [Бамбук в снегу 1978: 88].

Если для обычного человека закат олицетворяет конец рабочего дня: «Ток-огород // приготовлен для жатвы с полей. // *Солнце* садится – // домой возвращаются люди» [Чистый поток 2001: 158], то деятельная жизнь покинувшего «мир суеты» человека начинается только после заката. Дневное время, по мнению М.И. Никитиной, у отшельника не пользуется большим вниманием, так как оно в корейской поэзии связывается с «миром суеты» [Никитина 1994: 61].

Отшельник живет уединенно, однако помимо *луны* неизменным ежедневным его гостем становится предзакатное *солнце*:

«В одиночестве жду – // может, скоро пожалует гость. // А в открытых дверях // предзакатное *солнце* стоит» [Яшмовые ступени 1989: 91].

Время заката скоротечно. Отшельник пытается с пользой использовать это время:

«Высматриваю место для уженья, // Слежу, как *солнце* за холмы заходит... // Как хорошо мне в этот тихий час!» [Бамбук в снегу 1978: 153]; «Грядя осенних гор в лучах закатных // Погружена в речную быстрину. // С бамбуковой удочкой в руках // Сижу в убогом челноке на речке» [Бамбук в снегу 1978: 79].

Несмотря на свое трепетное отношение к *луне*: «Ты не горюй о том, что *солнце* село, – // На небо поднимается *луна*!» [Бамбук в снегу 1978: 148], и на то, что *солнце* не всегда светит и обогревает отшельника, закат *солнца* он встречает с грустью: «В своей одежде из холстины грубой // В убогой хижине встречаю зиму. // Пусть закрывали *солнце* облака, // Пускай *лучи* его меня не грели, // Но в час, когда за западной горою // Оно исчезнет, – слез я не сдержу!» [Бамбук в снегу 1978: 74].

Закат *солнца* – время, которое связывается отшельником с тоской по своей оставленной родине:

«Заходит *солнце* – // грустно на чужбине» [Чистый поток 2001: 259]; «Мне жаль, что *солнце* // В дымке золотой // Уже склонилось низко над водой. // И свет его // Течет за родником, // И путник // Снова вспоминает дом» [Ли Бо 2000: 45].

Закат *солнца* символизирует разлуку с любимым:

«На речном берегу // предстоит нам расстаться с тобой, // Одинокий твой парус // Умчится далеко-далеко. // Словно легкое облачко, // Ветер тебя понесет. // Для меня ты – как *солнце*, // Ужели же время заката?» [Ли Бо 2000: 70].

Цвет закатного *солнца* является эталонным, с ним сравнивается цвет вина:

«Прелестницы дарят улыбки, подносят чарки ароматного вина, которое алеет, будто *солнце* на закате» [Цветы сливы 1998. Т.1: 319].

В дальневосточной художественной литературе величие и неизменность *солнца* соотносится с бренностью человеческой жизни:

«*Солнце* встает // из восточных змеиных теней, // *Солнце* восходит // с самого дна земного. // Небо измерит – и снова // просит приюта у западных вод... // *Солнцу* дано, // раз возникнув, не прекращаться. // А человек – не эфир изначальный, // где уж ему уходить – возвращаться!» [Ли Бо 2000: 328]; «За горы западные *солнце* село, // Чтоб над Восточном морем снова встать... // И только человеческая жизнь, // Уйдя однажды, больше не вернется!» [Бамбук в снегу 1978: 169].

Солнце – участник боевых действий:

«Утром вхожу я в лагерь к Восточным Воротам; // вечером буду стоять на Хэянском мосту. // *Солнце* заходит: светит на знамя большое. // Кони заржали; ветер свистит и свистит. // Ровный песок; тысяча стройных палаток; // полк и отряд, каждый был призван сюда» [Ду Фу 2000: 496]; «*Солнце* играет на щитах и доспехах, развеваются шелковые знамена, лица воинов внушают страх и почтение» [Сон... 1982: 469].

Солнце и луна – узор на одежде:

«...одежды расшиты изображениями Дракона, на плечах вытканы *солнце* и луна, блестящие, как три *небесных светила*...» [История о верности Чхун Хян 1960: 232].

Солнце – символ долголетия. Это нашло отражение в художественной литературе:

«В виде пожелания счастья на свитках были нарисованы десять символов долголетия – *солнце*, журавль и другие...» [Роза и Алый Лотос 1974: 322].

Солнечный луч – эталон скорости:

«Быстрее, чем *солнечный луч*, // За тысячи верст уношусь...» [Хрестоматия... 2004: 143].

В корейских и китайских художественных произведениях сравнение красивых людей с *солнцем* встречается не так часто: «В цветущем возрасте она подобна *солнцу*, сияющему в *небесах*...» [Малявин 1997: 355]; «Почитая и уважая его за учтивые манеры и всегда прекрасный, как восходящее *солнце*...» [Записки... 1985: 40], как сравнения с *луной* или двумя основными светилами одновременно: «Он – будто *солнце* и *луна* висят в синем *небе*, его необыкновенный облик отличается от тех, кого видишь *под луной*...» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 33].

Стан красавицы отождествлен с *лучом солнца*:

«Ее прекрасный стан в дымке алого шелка, словно *луч закатного солнца*, виднеется сквозь только что опустившийся туман...» [Верная Чхун Хян 1990: 30].

На Дальнем Востоке у глаз центром притяжения является их блеск:

«Глаза Феи сверкали, <...> как ясное *солнце* летом» [Сон... 1982: 243].

Блеск женских глаз – это и «сияние *солнца* и *луны*» [Мудрость китайского быта 2003: 338].

Румянец на щеках красавицы ассоциируется с полдневным *солнцем*:

«И полдневное *солнце* // Горело у ней на щеках» [Ли Бо 2000: 151].

Выражение лица, внутренняя духовная красота человека, запечатленная на лице, связывается с сиянием *солнца*:

«...лицо излучало свет, затмевая *солнце*» [Жизнеописания... 1985: 63].

В дальневосточной ментальности *солнце* олицетворяет моральную чистоту и незапятнанность:

«Я думаю, сударь, как *солнце* и *месяц*, // намеренья ваши чисты...» [Чистый поток 2001: 205]; «Вечернее *солнце* – вот тебе друга душа» [Ли Бо 2000: 288].

Солнце отмечено и в других сравнениях:

«Мячи то взлетали *в небо*, напоминая *солнце* на восходе, то стремительно падали вниз, словно *луна* под утро» [Сон... 1982: 561]; «...я увидел человека в короне из яшмы и жемчуга, сверкавших, как *солнце* и *луна* и все *звезды на небе...*» [Малявин 1997: 387]; «Будто *лучи солнца* сверкнули у них в руках латунные знаки...» [Верная Чхун Хян 1990: 108].

Вместе с *луной* *солнце* встречается в гиперболических выражениях:

«Он рыдал так громко, что казалось, будто померк свет *солнца* и *лунны*, опечалились травы и деревья» [Повесть о Чёк Сёные 1996: 83].

Солнце зарегистрировано нами в составе метафорического выражения, обозначающего ‘чью-либо особую одаренность, необычность’:

«Ван словно дитя дракона и феникса – на нем печать *солнца*» [Ссяньчхон кыйбонь 1962: 44].

Солнце – неизменный элемент дальневосточных преданий. По астральным представлениям древних когурёсцев, напоминавших китайские, *солнце* изображалось в виде ворона, три лапы которого символизировали три фазы солнечного положения в течение дня: восход, зенит и заход [Концевич 2001: 411-412]. В Китае характерной эмблемой *солнца* служит красный диск с трехлапым вороном [Трессидер 2001: 349].

Солнце отмечено в составе устойчивого выражения, восходящего к преданиям о юности цзиньского императора Минди (323-326). Рассказывается, что, будучи еще мальчиком, он присутствовал при приеме его отцом (Юань-ди, 317-323) посланника из Чанъани (захваченной в то время «варварами»). На вопрос отца: что, по-твоему, ближе – *солнце* или Чанъань? – мальчик-принц ответил, что Чанъань, так как никто еще не видел посланника, прибывшего *с солнца*. Но когда ему на следующий день задали тот же самый вопрос, он ответил, что ближе, разумеется, *солнце*, так как, подняв голову, видишь *солнце*, но не видишь Чанъани [Хрестоматия... 2004: 747].

«Я все говорю: как близко *солнце*, как далеко до Чанъани...» [Хрестоматия... 2004: 630].

Звезды

В дальневосточной литературе часто упоминаются *звезды* и *созвездия*.

Вместе с *луной* *звезды* определяют время в пределах ночи:

«Вот и луна // на небо вышла ночное, // Звезды вокруг // замерцали трепещущим светом» [Ду Фу 2000: 444]; «В небе зажглись звезды, потемнели горы, туман пополз по полям и равнине» [Сон... 1982: 67].

Звезды – знак времени года:

«Осенние звезды // летят над далекой рекой» [Китайская пейзажная лирика 1984: 70].

Издревле на Дальнем Востоке существовала вера в священные звезды, с которыми связывалась судьба людей. Крупные звезды считались символами великанов, героев, мудрецов, а мелкие – символами простых смертных. В Когурё, например, молились духу чудотворной звезды Ёнсон в созвездии Чин, от которой зависело благополучное земледелие. В средние века особенно почитались духи звезд Ноинсон (Долголетия) и Тхэбэксон (кит. Тай-бо), созвездия Большая Медведица (Пукту чхильсонсин) и Каноус (Намсон) [Концевич 2001: 411-412]. Особым почитанием у древних когурёсцев пользовались семь звезд Большой Медведицы, изображение которых часто встречается в погребальной живописи [Джарылгасинова 1972: 162-163].

«Я давно уже знаю вас. Смотрю на вас с восхищением, с уважением, как смотрят люди на звезды Ковша или на святую гору Тай» [Пу Сунлин 1999: 33].

На Дальнем Востоке совершались жертвоприношения духам *Северного Ковша*, так китайцы называли *ковш Большой Медведицы* [Цветы сливы 1998. Т.1: 363]. Духи звезд *Большой Медведицы*, которые, согласно представлениям китайцев, записывали все деяния человека, как хорошие, так и дурные, и в зависимости от этого убавляли отведенный ему срок жизни или, наоборот, удлиняли его (см. об этом [Цветы сливы 1998. Т.1: 373].

«Все были встревожены, сменяли лекарей, молились *Небу*, приносили жертвы *Северному ковшу* – ничто не помогало» [Жизнеописания... 1985: 89]; «...она три дня воздерживалась от скоромного, а каждый седьмой день возжигала благовония и молилась духам звезд *Северного Ковша*» [Цветы сливы 1998. Т.1: 232].

Звезды – цветовой образ:

«Красные звезды рассеяны в алом дыму» [Ли Бо 2000: 263].

Звезды – участники сражений:

«Кончился бой. // Злые звезды померкли» [Ли Бо 2000: 307].

Со звездами связана тема разлуки:

«Были раньше подобны мы паре резвящихся рыб, // Слово звезд теперь, меж которыми лег небосвод» [Хрестоматия... 2004: 161].

Звезды соотносятся с любовной тематикой. Девушка сравнивает своего возлюбленного со звездой на небе:

«Полярная звезда стоит на небе, // Всегда прекрасная, как мой любимый...» [Бамбук в снегу 1978: 244].

Упавшая звезда в дальневосточной литературе символизирует скорую смерть:

«Внезапно одна из звезд покатила и упала у ваших ног. Вот какая судьба постигла вашу звезду. Говорят, когда во время Троецарствия в Учжанюане умирал Чжугэ Лян, перед самой его кончиной тоже упала звезда Полководца» [Корейские повести 1954: 24-25].

Звезды, являясь эталоном красоты на Дальнем Востоке, отмечены в образных сравнениях. Иногда в образных сравнениях звезды встречаются в паре с луной:

«Сердце радостно откликается ей, а вместе с сердцем поют в согласии горы и реки, луна и звезды» [Малявин 1997: 350].

Со звездами отождествляются различные части тела красавицы:

– глаза: «Цзинь-лянь <...> лила потоки слез из блестящих, словно звездочки, глаз...» [Цветы сливы 1998. Т.1: 100]; «глаза прекрасного юноши сияли, как звезды...» [Сон... 1982: 277]. В корейской литературе со звездами ассоциируется не только красота глаз, но и их холодность: «Она первым делом посмотрела на лицо госпожи – оно было страшным: белое, но почему-то с зеленым оттенком, глаза на нем холодные, как далекие звезды, а губы тонкие!» [Сон... 1982: 139];

– брови: «...тонкие брови, словно лучи утренней звезды...» [Сон... 1982: 593];

– зубы красавиц сверкают, как «звезды искристые» [Верная Чхунян 2003: 30];

– родинка на лице девушки также уподобляется звезде: «А под бровью – родинка, как черная звездочка» [Ли Юй 1995: 337].

Звезды встречаются и в других образных сравнениях:

«...как звезды, горели жемчужные светильники...» [Сон... 1982: 385]; «...дамы старались всю <...> послали в небо тысячи стрел, которые замелькали в воздухе, словно утренние звезды» [Сон... 1982: 657].

Звезды отмечены в гиперболических выражениях:

«Сердца их были возмущены и опечалены несправедливостью, ибо их преданность трону была столь высока, что достигла Семизвездья и Пастуха» [Жизнеописание... 1985: 70].

Северный Ковш ассоциируется с большим количеством:

«Денег у него – горы, выше Северного Ковша» [Цветы сливы 1998. Т.1: 58].

Постоянное положение Полярной звезды на небосводе создало традицию обозначать ею государев трон (см. [Чон Чхоль 2009: 149]).

Со звездами связаны многие легенды. Одна из самых известных – легенда о двух звездах – Ткачихе и Волопасе. Согласно этой легенде, дочь

Небесного владыки Ткачиха (звезда в созвездии Лиры), жившая к востоку от Млечного пути, круглый год ткала бесконечную облачную парчу в небесах. Отец выдал ее замуж за Пастуха (звезда в созвездии Орла), который жил к западу от Млечного пути. Но она, охваченная любовью, совсем забыла о своей обязанности и перестала ткать. Разгневанный *Небесный владыка* разлучил супругов [Сон... 1982: 735]. Он повелел, чтобы впредь она встречалась с мужем лишь раз в году – в седьмой день седьмой луны по традиционному дальневосточному календарю. Тогда они переправлялись через разделявшую их *Небесную Реку* (Млечный Путь) по волшебному мосту из сорочьих хвостов (см. [Ду Фу 2000: 494]). Легенда нашла отражение в художественной литературе:

«Волопаса Ткачиха ждет // За Серебряною Рекою. // В день седьмой, в седьмую луну // Суждена ей с любимым встреча» [Отражения 1987: 136].

Итак, как показали исследования, символика *неба и небесных светил* многозначна. *Небо* – это элемент пространства, символ духовной высоты, вечности, неизменности. *Небо и небесные светила* входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. *За небом и небесными светилами* закреплена временная характеристика, они в дальневосточной литературе являются знаками разных времен года, а также участвуют в моделировании времени в пределах суток. *Небо и небесные светила* – цветковые образы.

Согласно дальневосточным представлениям, *небо и солнце* олицетворяют мужское начало ян, *луна* – женское начало инь.

Небо и небесные светила являются эталонами высоких морально-нравственных качеств: нравственной чистоты (*небо, солнце*), доброты (*небо*), скромности (*луна*), а также красоты (*солнце, луна, небо, звезды*).

С небом и небесными светилами связаны многочисленные мифы, легенды, предания, образованы речения фразеологического характера, а также пословицы.

Как мы смогли убедиться, символические обозначения *неба и небесных светил* играют важную роль в создании национального колорита в переводных с корейского и китайского языков произведениях.

Л и т е р а т у р а

- Афоризмы старого Китая / Сост., пер. В.В. Малявина. М.: «Изд-во Астрель», «Изд-во АСТ», 2004.
- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
- Би Сюшен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып. 42. – 144 с. ISBN 978-5-317-03566-2

- Джарылгасинова Р.Ш.* Древние когурёсцы. М., 1972.
Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер.(Ленингр. отд.), 1985.
Ионова Ю.В. Религиозные воззрения корейцев (по материала МАЭ). – Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969.
История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972
Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.. М.: Изд-во МГУ, 1984.
Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
Книга дракона. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002.
Книга Прозрений / Сост. В.В. Малявин. М.: «Наталис», 1997.
Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М.: ИД. «Муравей-Гайд», 2001.
Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
Ли Юй. Полуночник Вэйян. М.: Худож. литер., 1995.
Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2003.
Мифологический словарь / Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Российская энциклопедия», «Лада-Маком», 1992.
Мудрость китайского быта: Успех. Здоровье. Радость. / Сост., пер. В.В. Малявина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003.
Никитина М.И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1982.
Отражения. М.: Изд-во «Наука». Гл.ред. восточ.литер. 1987.
Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи»). Проблемы востоковедения. М., 1961, №1, С. 120.
Повесть о Чёк Сёные Чён (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука», 1999.
Пу Сун-лин. Странные истории. Рассказы о людях необычайных. М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 2007.
Роза и Альый Лотос. Корейские повести (XVII-XIXвв.). М.: Худож. литер., 1974.
Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
Трессидер Джек. Словарь символов. М.:Фвир-Пресс, 2001.
Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004.
Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
Чистый поток. Поэзия эпохи Тан (VII-Xвв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
Чон Чхоль. Одинокий журавль. М.: Наталис, 2009.
Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV-XVII в. М.: Изд-во «Наука». Гл.ред. восточ. литер., 1989.